

RECENZIJOS

В. Г. Адмони. Синтаксис современного немецкого языка (система отношений и система построения). Л., „Наука“, 1973, 366 с.

Новая книга В. Г. Адмони продолжает исследования строя немецкого языка, начатые им более сорока лет тому назад. Многие ранее опубликованные В. Г. Адмони статьи и книги были посвящены специально вопросам немецкого синтаксиса либо включали обширные синтаксические разделы. В рецензируемой монографии обобщены итоги большого исследовательского труда, направленного на создание целостной картины строя современного немецкого языка. Именно строя немецкого языка, не только его синтаксических структур как таковых. Для работ В. Г. Адмони характерно внимание к взаимосвязям морфологии и синтаксиса, лексики и синтаксиса, точнее — преимущественный интерес к синтаксису как сфере взаимодействия разнообразных форм и значений, в которой они реализуют свои действительные коммуникативные и когнитивные возможности и с точки зрения которой, с занятой на уровне этой сферы исследовательской позиции, только и могут получить достаточно глубокое освещение, а в ряде случаев и вообще быть поняты как те или иные формы (ср., напр., анализ соотношения краткой формы прилагательного и качественного наречия). Синтаксис как учение о языке „в действии“ играет у В. Г. Адмони роль решающей инстанции в освещении многих „трудных“ явлений морфологической части грамматики. Так, введенное В. Г. Адмони еще в конце 40-х г. понятие „моноклексии“ связывает переменность флексий согласующихся определений со свойственной немецкому языку тенденцией к тесному структурному объединению и выделению группы существительного, в конечном счете — с ролью синтаксической группы как „посредника“ между словом и предложением. Понятие моноклексии перерастает, далее, в объяснительный принцип, позволяющий объединить ряд фактов, наблюдаемых в разнородных по морфологическому составу группах существительного, в качестве проявлений единой закономерности, а

также мотивировать колебания в ее осуществлении („слабые“ формы в „сильном“ склонении), для чего потребовалось обратиться к лексико-семантическим факторам (с. 213—219). Обращение к функциональному, синтаксическому фону морфологических явлений оказалось здесь, как и во многих других случаях, средством перехода от внешним образом констатируемых фактов морфологической парадигматики и некоторых чисто эмпирических зависимостей к установлению известной закономерности и, следовательно, к научному объяснению того, что „лежит на поверхности“. Тот же функциональный подход направляет суждения В. Г. Адмони о проблеме „общего падежа“ в немецком языке, критику применимости этого понятия к немецкой морфологии существительного, дифференциацию качественно не сводимых воедино случаев типа *Schulzes Beruf als Lehrer* и типа *mit einem Glas Wein* на семантически мотивированный именительный падеж и „замены“ косвенного падежа формой именительного (с. 247—256). Число таких примеров легко увеличить. И можно сказать, что заглавие книги В. Г. Адмони в определенном отношении уже ее содержания: это книга о грамматическом строе современного немецкого языка в определяющих его своеобразии чертах и в его целостности, изображении которого ведется „сверху“, от синтаксиса, к релевантным для его описания и истолкования — и обобщаемым в этом плане — пластам морфологии и, более того, лексики. Синтаксические формы и значения невозможно „чисто“ отделить от „нижележащих“ (по отношению к синтаксису) „ярусов“ языковой структуры. Всемирное расширение круга учитываемых взаимосвязей в строе языка повышает содержательность синтаксического описания и усиливает его объяснительную сторону.

В кратком „Введении“ (с. 5—19) обсуждаются принципы рассмотрения синтаксического строя, понятия синтаксической

формы и грамматической категории синтаксического строя, дается общая характеристика предложения как центрального объекта синтаксиса и определяется понятие „элементарного предложения“ как обобщение понятий простого, сочиненного, главного и подчиненного предложения. Из этого обобщения исключается признак независимости предложения как относительно самостоятельного „высказывания“ На данном признаке основывается понятие „цельного предложения“, которое может быть, таким образом, и „элементарным“, и сложным. Противопоставление понятий „элементарного“ и „цельного“ предложения дополняет противопоставление простого и сложного предложения; новое, вводимое В. Г. Адмони, членение создает возможность более дифференцированно оперировать совокупностями синтаксических фактов под разными углами зрения, точно различая при этом комплексы признаков, составляющих содержание соответствующих обобщений. Так, рассматривая „композиционные типы“ предложений, автор выявляет определенные особенности разветвления синтаксических структур — их „однонаправленность“ и „разветвленность“, их „вытянутый“ и „центрированный“ характер, а это признаки, общие простым и сложным предложениям и поэтому предполагающие охват всех разновидностей предложений — „высказываний“ в качестве „цельных“ (с. 343—349).

Большое значение В. Г. Адмони придает раскрытию и обоснованию той теоретической позиции, которая нашла отражение в подзаголовке книги — синтаксис как „система отношений и система построения“ Содержание этих абстрактных терминов в их противопоставленности непосредственно не очевидно. Они не совпадают с отношением парадигматических рядов („микросистем“ и т.п.) и синтагматики (построений из „заданных“ в парадигматике элементов) или с отношением „язык — речь“. В „систему“ построения В. Г. Адмони выделяет такие синтаксические явления, формы которых обеспечивают выражение внутренней связанности синтаксических комплексов и их отграничение от соседних комплексов как обладающих своей, „особой“ внутренней спаянностью. Основными средствами (формами, „единицами“) „системы построения“ считаются ритмико-интонационные объединения, рамочные конструкции разного рода, типичная для немецкого предложения мононегативность, формы композиционных типов предложения. Выделение особых синтак-

сических средств „системы построения“ играет важную роль в достижении одной из главных целей исследования В. Г. Адмони — показа своеобразия синтаксического строя немецкого языка. Единицы „системы построения“ понимаются как конкретно-языковые синтаксические формы, выявляемые путем сопоставления особенностей синтаксического строя разных языков. Автор книги настаивает, в частности, на своеобразии различных форм и функций рамочной конструкции в немецком предложении как средства „цементирования“ словосочетаний и предложений разного рода. Единицы „системы построения“ имеют, очевидно, глубокое основание как необходимые средства разрешения коренного — и неустрашимого — противоречия между сложной иерархией связей элементов предложения и линейностью речи, благодаря которой внешне выражение находят в основном лишь контакт и дистанция синтаксических элементов. Таким образом, единицы „системы построения“ имеют системное основание, поэтому они и необходимы и в разных языках различны. Вместе с тем, содержательная сторона формальных средств „системы построения“ получает в книге отрицательную характеристику: они „не обладают каким-либо грамматическим значением“, а частично — это относится к „композиционным единицам“ — „и не выполняют какую-либо синтаксическую функцию“ (с. 16). Если назначение форм „системы построения“ — выражать и подчеркнуть синтаксическую связь „как таковую“ (без содержательной дифференциации различных связей) и обеспечивать „в какой-то мере“ членение предложения (с. 13), то такую функцию выявления некоторых упорядоченностей среди многообразных синтаксических связей в предложении вполне можно, на наш взгляд, рассматривать как определенный тип (структурного) грамматического значения. „Функцию“ и „значение“ имеет смысл терминологически различать тогда, когда на одном и том же классе конкретных грамматических явлений пересекаются две относительно независимые плоскости характеристик, причем объект рассмотрения, сохраняя признаки одного из аспектов его грамматической характеристики в неизменном виде, приобретает разные признаки в другом аспекте своего грамматического статуса. Так, разумно (и удобно) говорить о „функциях“ разных членов предложения, которые может выполнять один и тот же падеж имени, сохраняющий

в этих разных функциях некоторое инвариантное грамматическое значение. В лингвистической литературе содержание терминов „значение“ (грамматическое) и „функция“ не получило общепринятых дифференцированных определений. Для этого вряд ли и есть основание, действительное для всей фактической области употребления этих терминов. В случае, о котором говорилось выше, все достаточно просто: имеются формальные средства, например, рамочные конструкции, с такой-то функцией; она и есть их грамматическое значение.

За „Введением“ следуют части I–IV. Их заглавия: „Элементарное предложение“, „Подчинительные словосочетания“, „Порядок слов“, „Сложноподчиненное предложение и синтаксические структуры, выходящие за границы цельного предложения“. Первая часть занимает свыше половины всего объема книги: с. 19–206. В ней рассматриваются типы синтаксических отношений и определяемый ими набор членов предложения, вводится понятие системы „аспектов“ предложения как основы его типологии, затем, после обсуждения специфических для немецкого языка структурных признаков предложения — двусоставности, номинативности и глагольности — и типологически значимых отклонений от этих признаков, а также параграфа о „партитурном строении“ комплекса значений, конституирующих элементарное предложение как целостность, автор переходит к последовательному описанию типов элементарного предложения, в которых проявляются формы и значения, свойственные обязательным для каждого предложения аспектам — логико-грамматическому, модально-аффирмативному, аспекту полноты и распространенности и др. (всего их семь).

Приходится часто сталкиваться с утверждением, что лингвист, строящий описание языка с учетом как формальных, так и семантических характеристик языковых образований, стоит перед выбором одного из двух путей движения исследовательской мысли и одного из двух планов построения языкового описания — „от формы к содержанию“ или „от содержания к форме“. Книга В. Г. Адмони показывает, что возможности логичного и внутренне непротиворечивого описания языка не сводятся к этой альтернативе. Синтаксические явления и соответствующие им абстрактные объекты синтаксической теории вытекают в их специфических характеристиках на пересечении формальных и

смысловых признаков. Это важная черта применяемого В. Г. Адмони метода. Он дает исследователю свободу переходов от семантической и функциональной стороны языковых явлений к их внешним формам и в противоположном направлении в зависимости от конкретного характера обсуждаемых фактов языка. Он экономичен (хотя и не всегда внешне „систематичным“) путем ведет к установлению специфических качественных определенностей синтаксических объектов, к их дифференциациям по комплексам свойств. Этот метод позволяет не только показать сеть отчетливо выраженных противопоставлений в синтаксическом строе, но одновременно через вычленение в выделяемых категориях синтаксических единиц отдельных признаков их формы или смыслового содержания и сопоставление разных категорий по их общим признакам позволяет точно и ясно определять зоны переходов между ними. „Жесткие“, „чистые“ классификации не выступают в работе В. Г. Адмони как идеал грамматического описания. Он справедливо считает, что многообразные пересечения объектов синтаксической теории точнее отражают действительную текучесть и проницаемость границ однородных и неоднородных явлений в самом объективном языковом строе.

Метод сознательного и эксплицитного „комплексирования“ формальных и семантико-функциональных свойств синтаксических явлений, как этот метод можно было бы характеризовать, дополняется по этому методом их „полевой организации“, который на периферии пересекающихся „полей“ выявляет „неядерные“ комплексы признаков, присущие явлениям промежуточным. Ясна глубокая внутренняя связь между этими основными чертами исследовательского метода и вопросами синонимических отношений в синтаксисе: последние органически вплетаются в „большую“ полевую структуру синтаксического строя в ее целостности. Синонимика синтаксических явлений рассматривается в ряде специальных параграфов книги (§ 14, 39, 43, 50) и часто обсуждается в связи с другими вопросами. Комплексирование свойств синтаксических единиц, их полевая организация, выявление переходных, промежуточных образований, установление синонимических связей в синтаксисе — все это элементы системной исследовательской установки В. Г. Адмони. Такая характеристика далеко не исчерпывает,

конечно, всего методического содержания книги. Следует указать и на осуществляемое В. Г. Адмони по ряду поводов соотношение качественных и количественных признаков синтаксических явлений (с. 129—130, 237—238, 273—276 и др.), на важное положение о синтаксическом отношении как отношении смысловом (с. 19), доводимое до признания смысловой связи непосредственно явлением синтаксической формы (с. 284—285). Последнее положение приобретает особую методическую значимость в случаях типа предикативного определения к подлежащему, где при широком лексико-семантическом диапазоне вступающих в это отношение слов отсутствуют какие-либо формальные показатели, на которые могло бы опираться разграничение этого члена предложения и обстоятельства.

Ярким примером применения той системы методических предпосылок, о которой выше шла речь, к анализу конкретных вопросов синтаксического строя может служить трактовка „сказуемого отношения“ (с. 20—24). В. Г. Адмони отвергает „вербоцентризм“ в моделировании предложения. Подлежащее и сказуемое определяются как взаимно предполагающие друг друга главные члены предложения, объединяемые отношением взаимной обязательной сочетаемости. Это отношение еще не гарантирует выделения именно подлежащего и сказуемого, так как аналогичное отношение существует в конструкциях „абсолютного винительного“, например: *Er stand da, den Stock in der Hand*, или связывает объектный винительный падеж с инфинитивом в случаях типа *Ich höre ihn singen*; *Ich lasse ihn kommen*. Терминологически, конечно, неудобно устанавливать разновидности „сказуемого отношения“ там, где нет „сказуемого“, но некоторая общая семантико-функциональная особенность определенного типа синтаксической связи действительно обнаруживается у весьма различных пар элементов предложения. Здесь можно говорить об известной „полевой структуре“ образований, базирующейся на общем признаке взаимонаправленной сочетаемости синтаксических элементов. Одно из важных, на наш взгляд, синтаксико-смысловых свойств таких образований различной формальной структуры состоит в активном динамическом „приписывании“ признака предмету („непосредственное приписывание... в момент речи“ — с. 22). В. Г. Адмони — сторонник весьма осторожного обращения с этим, по его мнению, более психологическим, чем лингвистическим понятием; во всяком случае,

он против обобщения широкого круга синтаксических „связываний“, в особенности в сфере однонаправленных зависимостей, то есть в сфере второстепенных членов предложения, под знаком „приписывания признаков“. Нетрудно, однако, заметить, что функция динамического „приписывания“ при отвлечении от признака взаимонаправленной сочетаемости изменяет границы поля „сказуемого отношения“ таким образом, что в него включаются как минимум также инфинитивные и причастные конструкции разного рода (часто и рассматриваемые в германистике как функциональные эквиваленты предложения). Соответственно расширяется система охватываемых таким полем синтаксических синонимов. Возврат от (условно) „сказуемого отношения“, границы которого — на вполне объективном основании — растягиваются все шире, охватывая разнообразнейшие формальные структуры, к — уже не условно так называемому — сказуемому отношению совершается путем указания на его „пересечение“ с присутщими немецкому, как и многим другим языкам, формами выражения подлежащего и сказуемого: именем в номинативе и глаголом в финитной форме (с некоторыми прилагательными членами или без них). Таким образом, комплекс признаков, включающий две стороны, формальную и смысловую, характеристика каждой из которых, в свою очередь, в той или иной мере детализируется, выступает как основание индивидуального статуса конкретного явления синтаксического строя. Эксплицитное выявление подобных признаков комплексов, в которых определенным формам ставятся в соответствие обобщенные грамматические значения, составляет существенную сторону эвристической технологии исследования В. Г. Адмони. По ходу движения анализа в направлении к пересечению признаков содержания и формы, конституирующему соответствующую синтаксическую категорию, очерчиваются границы формальных и семантических полей, намечаются сочетания признаков явлений промежуточного типа, указываются отношения синтаксической синонимии¹.

¹ Полевые структуры, определяемые на основе семантико-функциональных общностей языковых явлений, рассматриваются в следующих работах: Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969; А. В. Бондарко. К теории по-

Содержание обобщенного грамматического значения синтаксической формы не сводится к тому абстрактно-одностороннему смысловому признаку, который предельно определенно — в необходимых случаях — как разделяемый данной формой с другими формальными структурами, но, как правило, дальнейшими шагами анализа углубляется и обогащается, конкретизируется. Так, отношение номинативного подлежащего и финитно-глагольного сказуемого выступает как основа двусоставного типа элементарного предложения, причем в этом синтаксическом отношении „наиболее резко, с максимальной динамикой“ представлены „как совершающиеся в момент речи связывание двух ее компонентов, так и оценка реальности этой связи“ (с. 21). Формальная же характеристика собственно сказуемого отношения дополняется указанием на грамматическую зависимость сказуемого глагола в его оформлении от подлежащего. Глубокую и разностороннюю конкретизацию сказуемого отношения получают в ходе последовательного описания всего структурного разнообразия его выражений в связи с „асpekтами“ предложения и прежде всего в связи с его логико-грамматическими типами.

Полевая организация синтаксических объектов, объединяемых на основе „сказуемого отношения“, претерпевает еще одно важное изменение в связи с предложением, типологически отклоняющимся от двусоставности и от глагольности. Оставляя термин „сказуемое отношение“ за сочетаниями минимум двух слов — представителей определенных разрядов форм, В. Г. Адмони предлагает именовать „предикативным отношением“ аналог „сказуемого отношения“, выступающий в односоставных предложениях в виде смысловой проекции к словесно не обозначенному элементу речевой ситуации и ее мысленного отображения. В Комм! им оказывается определяемое из ситуации речи лицо, в Sonntag und Schneetag — признак существования, наличия, не обязательно нуждающийся в лексическом выражении (с. 26—27). Широкие обобщения на основе минимума тождественных моментов, обнаруживаемых в разных синтаксических

ля в грамматике — залог и залоговость. — ВЯ, 1972, с. 3; ср. также, например, понятие „модального поля“ у Х. Бринкмана: Н. Brinkmann. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. 2. Aufl. Düsseldorf, 1971, S. 381 ff.

структурах, систематически дополняются в книге индивидуализированными характеристиками каждой из таких структур, формируемыми на пересечениях формальных и семантико-функциональных свойств. Сложность этого методического пути очевидна, но это единственно возможный способ выявления конкретных тождеств в языковой действительности с учетом столь широко представленной в языке асимметрии формы и содержания, способ отображения в теоретическом знании реальной многомерности языковых объектов, которая требует большой гибкости всего концептуального аппарата грамматической теории.

Высоко оценивая значение новой книги В. Г. Адмони для дальнейшей разработки и утверждения на конкретном языковом материале его общей концепции основ грамматической теории, рецензент расходится, однако, с автором книги в понимании некоторых следствий из принципиально важного — и разделяемого В. Г. Адмони — динамического подхода к синтаксическим образованиям. Из всех разделов языкознания синтаксис как система моделей синтагматических построений, складывающихся из слов (словформ), наиболее непосредственно направлен на речь. Синтаксическая модель („образец“, „тип“) есть прежде всего отображение структуры процесса построения того или иного типа сочетаний слов. Процессуальный характер синтаксических образований и соответствующий ему способ их представления в знании находит многообразное выражение в книге В. Г. Адмони. „Синтаксическое отношение“ определяется как „закономерное связывание ... грамматических (морфологических) форм“ (с. 19; курсив наш. — В. П.). Здесь же можно упомянуть и „партитурное строение“ сети грамматических значений в предложении, которые в него „включаются“, „продолжают в нем присутствовать... различное время“ и т.д. (с. 59), также и эффекты большего или меньшего „напряжения“, возникающего „в процессе развертывания“ синтаксического единства в результате постановки в его конце какого-либо слова, необходимого для его завершения (с. 199—200, 293) и многое другое. Весьма важно, что В. Г. Адмони намечает и „различные градации“ динамики „связывания“ синтаксических элементов. Своего максимума она достигает, по его мнению, в связывании сказуемого с подлежащим (с. 21). Но и другим синтаксическим отношениям „также свойственные как совершающиеся

в момент речи связывание двух ее компонентов, так и оценка реальности этой связи" (там же). Где есть некий максимум признака, там должны быть и снижения его интенсивности, доходящие до какого-то ее минимума и, далее, до полного устранения данного признака. Однако здесь же утверждается, что и его максимальная выраженность не создает принципиального различия между сказуемым отношением и другими видами синтаксических отношений. Можно согласиться с тем, что действительно „не создает“ Выражение динамического связывания, как мы уже видели, не является достаточным отличительным признаком сказуемого отношения. Его комплексная дифференциальная характеристика основывается и на взаимонаправленной сочетаемости, и на особых формах главных членов предложения. Но здесь можно было бы ожидать указания на то, что, тем не менее, максимальная интенсивность динамического „приписывания признака предмету“ в сложной иерархии таких „приписываний“, осуществляемых другими синтаксическими соединениями в предложении, входит в характеристику связи подлежащего и сказуемого, составляя одну из ее существенных сторон. Изложение сущности собственно сказуемого отношения в книге допускает такое его понимание, но лишь допускает, не более того, так как автор прежде всего стремится доказать, что динамика любых синтаксических „приписываний“ в целом и с любыми градациями их интенсивности не существенна для специфического содержания разных синтаксических отношений в их отличиях друг от друга. Если одно (главное для двусоставного предложения) синтаксическое „связывание“ характеризуется максимумом динамизма, то почему следует отвергать учет иных степеней того же свойства активного „приписывания“, т. е. активного синтеза синтаксических элементов в речевом процессе у других соединений этих элементов в предложении? Вряд ли существует опасность утраты сказуемым отношением его специфического статуса от признания „той или иной степени“ предикативности у других членов предложения (ср. с. 37). Речемыслительный процесс, опираясь на программирующие его развертывание относительно стереотипные синтаксические модели, проявляет свою активность, свой динамизм не только в соотношении друг с другом двух главных составов предложения, но и в „сборке“ всех остальных действительно формируемых в данном предложении сочлене-

ний его отдельных словесных элементов. Положение о насыщенности предложения множественными предикативными признаками их „носителям“ в тенденции отражает осуществляемую мыслью проработку совокупности устанавливаемых в предложении связей предметов и их признаков на всю глубину зачастую сложно иерархизированной организации этих связей. Подобная трактовка содержания синтаксических отношений представляется необходимым шагом в развитии тех связанных с динамическим подходом к синтаксису теоретических предположений, на которые опирается автор рецензируемой книги и которые во многом определяют ее достоинства. „Достраивая“ в известном плане методику этого подхода, такое понимание взаимосвязи „синтаксического отношения“ и „связывания“, „приписывания“ и „предикации признаков“ ни в малейшей мере не затрудняет и не дезориентирует исследование синтаксических явлений, на которые так или иначе распространяются эти признаки, в их „собственно лингвистических“ качествах; напротив, оно позволяет говорить о важном объективном системном отношении между ними: именно из него выводится обобщенное основание многообразной как более близкой, так и более отдаленной синонимии различных синтаксических форм, которой В. Г. Адмони придает такое большое значение в синтаксическом строе. И, например, характеристика — безусловно верная — обособления отдельных членов предложения как средства сообщения им „выделенности“, „большой смысловой весомости“, „самостоятельности“, характеристика, которую В. Г. Адмони решительно противопоставляет всякой „предикативности“ (с. 37, 263—265), по нашему мнению, основывается именно на повышенной интенсивности предикативности, обусловленной обособлением.

Рецензия не может претендовать на всесторонний анализ содержания многопланового грамматического исследования. В центре нашего внимания стоит вопрос о системности, свойственной методу анализа и описания синтаксического строя немецкого языка в книге В. Г. Адмони. С этим непосредственно связано и построение типологии элементарного предложения в соответствии с различными сторонами выражаемого им содержания, с его „аспектами“, как их называет В. Г. Адмони, каждый из которых получает в предложении формальное воплощение. Структура конкретного предложения определяется, по

В. Г. Адмони, взаимодействием, „наложением“ друг на друга следующих грамматических „аспектов“: логико-грамматического, модально-аффирмативного, степени полноты (детализации) предложения, аспекта „места предложения в развернутой речи“, т. е. прежде всего воздействия связей предложения с контекстом на формы его построения, аспекта коммуникативной задачи предложения (где различаются повествовательные, вопросительные и побудительные предложения), аспекта познавательной установки говорящего (актуального членения) и, наконец, эмоционального аспекта предложения.

В. Г. Адмони говорит о системе, образуемой „асpekтами предложения“. В чем состоит их системность и на чем она основывается? Термин „аспект“ удачно подчеркивает аналитическое вычленение одного из лишь относительно самостоятельных свойств, „моментов“ предложения. „По-аспектное“ рассмотрение предложения есть поэтому в сущности не что иное, как последовательное включение объекта в абстрактно-односторонние „микросистемы“ признаков формы и содержания, направленное на синтез некоторой, хотя и разнопланово-многомерной, но конкретной целостности. Внутренняя взаимосвязь и взаимообусловленность всего набора „аспектов“ предложения гарантируется их выводимостью из функций языка, полагаемых как исходные и взаимосвязанные в диалектико-материалистическом языкознании. Прежде всего это касается коммуникативной и когнитивной функций, функций общения и обобщения; учет принципа человеческой деятельности и ее активности ставит те или иные значения волевого и эмоционального факторов в непосредственную связь со всякой речью; в „аспектах“ предложения, не вытекающих прямо из уже названных предпосылок, проявляется действие определенных условий, при которых осуществляется процесс речи. В частности, „наложение“ ситуативно обусловленных актуальных членений на типовые схемы предложения и его частей с использованием специальных грамматических, в том числе ритмико-интонационных, средств представляет собой результат применения различных приемов смыслового варьирования относительно стерео-

типных „программ“ речи с целью преобразования тех способов актуального членения, которые зафиксированы в этих (исходных для дальнейших преобразований) типах синтаксических структур и которые выявляются не специфическими приемами актуального членения как такового, но еще непосредственно слиты с формами других грамматических значений. „Аспект“ актуального членения отображает, следовательно, диалектическое взаимоотношение моментов устойчивости и изменчивости в реальных условиях всякой человеческой деятельности; оно находит выражение в когнитивной и коммуникативной деятельности человека в динамике ситуативных преобразований речевых стереотипов, которые воплощают результаты прошлого опыта коммуникативного и познавательного применения языковых средств. Можно утверждать, что системность „аспектов“ предложения дополняется — и подтверждается — не только взаимосвязями между ними, но и их необходимостью, вытекающей из единого и целостного основания, в свою очередь раскрываемого как комплекс взаимосвязанных моментов — предпосылок, причин, условий речевой деятельности.

Многие важные для конкретной исследовательской работы стороны метода изучения и описания грамматического строя языка, нашедшие отражение в книге В. Г. Адмони о немецком синтаксисе, не были затронуты в настоящей рецензии. Особое внимание следовало бы уделить, в частности, обращениям к исторической перспективе развития грамматического строя как основе определения и объяснения тенденций, свойственных синхронному состоянию современной языковой системы и в нем заявляющих о себе своими воздействиями. Эта сторона применяемого В. Г. Адмони метода исследования ставит его общеграмматическую концепцию в непосредственную связь с одной из наиболее прогрессивных традиций германистики и ряда других языковедческих дисциплин, а также с важным требованием марксистско-ленинской научной методологии, но она заслуживает особого и обстоятельного обсуждения.

В. М. Павлов
(Ленинград)